

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО СОЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР И ПРАКТИК

Современная российская действительность охвачена масштабными социальными изменениями, трансформациями, затрагивающими все сферы жизнедеятельности общества и человека. Н.И. Лапин рассматривает трансформационные процессы, как «глубинные изменения в основах общественной жизни, в социальной структуре общества» [3, с. 82].

А.Н. Елсуков определяет трансформацию, как «отрицание существенных элементов прошлого и преодоление их, выдвижение новых целей и идеалов, определение способов и средств продвижения к ним» [5, с. 202].

К. Левин трактует трансформацию, как «реконструкцию», как глубокое и тотальное изменение [4, с. 148, 163].

Этот вид социальных изменений, состояний общественной системы К. Маркс называл революцией, английский культуролог А. Тойнби – надломами, французский историк И. Тэн – моментами, русский писатель А. Солженицын – узлами.

В любом случае речь идет о процессах преобразования, переконструирования, охватывающих все общество, включая его социальную структуру, политику, экономику, сферу духовной жизни, общественное сознание. В процессе своего развития всякая сложная социальная система, в том числе и общество, стремится обрести равновесие. Однако в результате нарастания неравновесных и нелинейных отношений со своим окружением в системе начинают происходить внутренние изменения, сумма которых в определенный момент превышает допустимый для данного состояния предел напряжения. В этот переломный момент система вынуждена перейти порог устойчивости, и тогда становится невозможным предсказать, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие: станет ли состояние системы хаотичным или она снова перейдет на новый, более дифференцированный и более высокий уровень упорядоченности и организованности. Случайность подталкивает развивающуюся систему на новый путь развития, а после того, как данный путь выбран, вновь вступает в силу действие детерминизма. Такова общенаучная картина открытых неравновесных систем и возникающих в них время от времени трансформационных процессов или трансформационных состояний.

Трансформационный период в общественном развитии – особая стадия исторического развития, в которой вырисовывается своя структура, свое устройство, свое сознание, свои тенденции и свои методы регулирования. Трансформационный процесс распадается на ряд последовательных трансформационных состояний, каждое из которых представляет собой реально достигнутые перемены в конкретный период времени. Чаще всего трансформации носят системный характер. Вместе с тем, нас интересует в большей степени изменение общественного сознания в части духовно-культурных ориентиров общества, социокультурных установок, интересов, отношений полов, гендерных стереотипов.

Особенно актуальным является воздействие трансформаций на положение различных слоев и категорий населения в структуре общества, их отношения к власти, правящим группам и между собой, т.е. исследование качественной стороны происходящих перемен. Это и понятно, социальные изменения представляют собой все то, что происходит либо с самой социальной системой, либо внутри нее. Любую трансформацию можно представить как последовательность состояний одной и той же системы,

возникающих одно за другим во времени. Изменение сознания – это внутренняя сторона изменений.

Вопрос, который встает в связи с поставленной нами проблемой, несомненно, связан с понятием «гендер». Известно, что в немецком, французском и русском языке понятие «пол» не дифференцировано, а в английском его подразделяют на «sex» (биологический пол) и «gender» (пол как социокультурный конструкт). Женственность рассматривается при этом не как нечто врожденное, предопределенное биологией, а как общественный конструкт. В то же время, развитие личности, общества и культуры должно было пройти определенное время, чтобы в общественном сознании сформировалась идея о том, что женщиной не рождаются, а становятся, что процесс женственности связан с процессом социализации и не заканчивается никогда. Именно с формированием гендерного сознания связана концентрация внимания современных социальных субъектов на ролях, формах поведения, исторически варьируемых полоролевых ожиданиях. В нем формируется установка на то, что дихотомия полов смоделирована и продолжает моделироваться культурой. Во многом это понимание определяется структурой массового сознания, важнейшей особенностью которой является сочетание и взаимодействие постоянных и переменных компонентов, ибо ее содержание динамично и постоянно изменяется, реагируя на социальные изменения, включая трансформацию ценностей, структур, идей, практик. Устойчивые составляющие сознания могут отождествляться, по нашему мнению, с формами культуры. При этом под культурой в контексте данной проблемы мы понимаем постоянные элементы сознания (ценности, стереотипы, установки и т.д.), детерминирующие поведение человека, заключающиеся в воспроизведении или следовании культурному образцу. Так определяли культуру Линтон, Клакхон и Джиллин. Культура, по их мнению, – это концептуальное «построение», базирующееся на паттернах поведения и жизненных «проектах» [4, с.58].

Формы культуры в сознании базируются на взаимодействии традиционных и новых смыслов. Первые передаются из поколения в поколение и варьируются в зависимости от класса и пола, а также в зависимости от таких критериев, как этнос, вероисповедание, регион. Новые возникают в результате процессов трансформации, охватывающих внутренние и внешние стороны общественной системы, а также творческих процессов массового сознания, связанных с переоценкой ценностей, изменением стереотипов, избавлением от предрассудков и т.д. Такое взаимодействие смыслов сознательно и бессознательно создается и используется действующими лицами общественной истории для понимания, интерпретации и истолкования действительности, делает возможной их коммуникацию, а также служит базисом для их самоидентификации и обособления от других.

Устойчивые элементы массового сознания формируют и нормируют ментальные, моральные и эстетические категории, оказывают влияние на восприятие человеком действительности и на связанные с этим восприятием мнения и действия, причем они в значительной степени различаются в зависимости от принадлежности к определенному полу и к определенному классу. Представления о различии полов и связанные с ними нормы поведения выражаются чаще всего в форме разъяснений особых качеств и обязанностей, преимуществ и ограничений, свойственных женскому полу. Острый дуализм мужского и женского полов был «изобретен» в последней трети XVIII века, чтобы иметь возможность объективно оправдать вытеснение женщины из области трудовой деятельности в сферу частной семейной жизни. Обоснованием послужили аргументы о соответствующих женскому существу наклонностях и этическом предназначении женщины.

Вместе с тем, в сознании существуют и переменные составляющие, обеспечивающие его гибкость и подвижность, позволяющие менять представления, смыслы, оценки, обеспечивающие включение в саморегуляцию и самоориентацию человека новых социальных и культурных элементов деятельности, помогающие человеку

идентифицировать себя с окружающей социальной действительностью, детерминирующие развитие социума и культуры. «Определение мужчины и женщины, различий между женственностью и мужественностью, меняется с течением времени. Разнообразные представления существуют одновременно, приобретая большую или меньшую значимость; комбинируя, соотносят друг с другом, чтобы через различия между полами дать характеристики человека вообще. Осознание факта этих исторических изменений произошло не так давно» [7, с. 111]. Результатом явились идеи, представления, убеждения в том, что различение по признаку пола не задано и не закреплено природой; оно осуществляется человеком, является культурным конструктом и изменяется вместе с культурой. Этот конструкт – как показывают современные исследования – включен в исторический процесс развития менталитета и общества.

Можно выделить несколько стадий, или этапов, формирования гендерного общественного сознания.

Первый этап. Вплоть до XVII века в общественном сознании бытует представление о мужчине как об основном типе и о женщине как отклонении от него. При этом женщина определялась через недостаток мужественности, так как общественное сознание того времени не выделяло специфических женских биологических, физиологических или психологических атрибутов. Все особенности «слабого пола» рассматривались как проявление дефицита того, что свойственно «сильному» полу. Вследствие таких убеждений, женщина рассматривалась как существо неполноценное, и поэтому занимающее подчиненную позицию в обществе и браке.

Второй этап (XVIII в.). На этом этапе развития общественного сознания мужчины и женщины воспринимались как противоположные друг другу и эта противоположность рассматривалась как естественная. Мужчины – более разумные, в то время как женщины – более эмоциональные. В качестве структурирующих категорий дифференциации используются «природа» и «культура». В результате дифференциации полов по биологическим признакам и функциям женщина, в силу выполняемой ею функции размножения, относилась к сфере «природного». Представлялось, что ее дух, занятый происходящими в ее теле процессами, находится во власти материального и полового. Работа женщин по дому соответствовала более низкому статусу, чем работа мужчин за пределами дома. Такие оценки бытовали как в обыденном сознании, так и в теории структурного анализа, опирающегося на работы Клода Леви-Стросса. На данном этапе формирования гендерного общественного сознания мужской половине человечества приписывалась большая сила воображения, самостоятельность в способах выражения, свободный дух; при этом заявлялось, что этими качествами женщина обладать не может в силу биологической основы ее сущности.

Третий этап. В XIX веке сексуальность индивида становится признаком, с помощью которого расшифровывается его облик, жесты и действия. Мишель Фуко охарактеризовал XIX век, как время новой спецификации индивида. Сексуализация индивида сопровождается расхождением полов, которые теперь, при описании их признаков и функций, четко разделены. В XIX веке принадлежность к полу была решающим признаком, который ограничивал жизнь каждого человека определенными рамками, отводил ему определенные роли, предоставлял или делал для него недоступными определенные сферы деятельности. Индивиды классифицировались в соответствии с категориями, которые церковь, медицина и психиатрия возвели в норму. Эти категории способствовали закреплению общественного положения индивида, которое аргументировалось ссылками на закономерность и природу и поддерживалось с помощью надзора и контроля. Власть в XIX веке, по мнению Фуко, представляет собой систему постоянно напряженных и активных отношений, при этом технология, тактика и практика власти включает мужской пол как доминирующий. «Не следует искать того, кто внутри порядка сексуальности обладает властью (мужчины, взрослые, родители, врачи), и того,

кто ее лишен (женщины, подростки, дети, больные); точно так же не следует искать того, кто имеет право знать, и того, напротив, кого силой удерживают в неведении. Искать нужно, скорее, схему изменений, которые подразумеваются самой игрой отношений силы... Отношения власти-знания – это не различные формы распределения, это «матрицы преобразований» [6, с. 191-207; 200]. Таким образом, на этом этапе развития общественного сознания женщины попадали в двойную зависимость: первая заключалась в зависимости ее мужа или родителей в системе властных отношений; вторая – в зависимости женщины от своего мужа.

Четвертый этап характеризуется попытками использования образцов мужского восприятия и поведения в общественном поведении и сознании наиболее эмансипированных женщин. По мнению феминистских теоретиков, успешная социализация женщин возможна только лишь в этом случае. Здесь за основу положен идеал героической женщины – сильной телом и духом, отличающейся смелостью и уверенностью. Подобное восприятие женщины акцентировало внимание на то, что женщины могут достигнуть уровня мужчины в своих способностях.

Пятый этап представляет собой вид общественного сознания, в котором появляются идеи равноправия женщин и общественного освобождения.

Шестой этап основывается на противопоставлении полов, но с измененными социальными оценками: постулируется привилегированность женщины. В этом случае более высоко оцениваются женское сознание и поведение, что характерно только для ультра феминистских движений.

Седьмой этап характеризуется установкой общественного сознания на исключение половых особенностей как определяющих социальные возможности и условия женщин и мужчин в обществе. Этот этап представляет собой формирование массового гендерного сознания.

Последние три этапа не получили достаточного развития. В XX веке укореняется общеизвестная идеология мужского доминирования, идеология, которая берет начало в эпохе Ренессанса, развивается в эпоху Просвещения и широко проявляется в XIX веке. Остается в силе представление о диаметральных различиях между характерами двух полов. «Используя результаты новых научных исследований и псевдонаучные выводы, поляризация мужского и женского продолжает опираться на биологические данные» [7, с. 119].

Теория модернизации, понятая как модель целенаправленного развития и имеющая силу якобы для общества вообще, при учете обоих полов наталкивается на свои границы. «Касающаяся всего общества модернизация обладала для мужчин и женщин во многих областях принципиально разными последствиями, которые расходились также по времени протекания, темпам, возможным переломным моментам» [2, с. 144].

В конце XX – начале XXI века в области политики, права, образования и в трудовой жизни появилась тенденция, связанная с демократически-эгалитарным отношением к полу. Известно, что наиболее продвинутыми странами в области равенства прав и возможностей женщин и мужчин являются именно те, в которых исторически раньше появились демократические ценности, сложились социальные отношения и структуры, закрепляющие их. Такими странами являются Швеция (от 50,0% до 40,0 участия женщин в парламенте), Норвегия, Финляндия, Дания, Нидерланды (от 39,9% до 35%), Исландия, Германия (от 34,9% до 30%), Австрия (от 29,9% до 25%), Швейцария (от 24,9% до 20%) и т.д. Для сравнения, Россия (от 9,9% до 5%). (Здесь приведены данные IV Всемирной конференции по положению женщин, проходящей в Пекине в сентябре 1995 года.)

В период социальных трансформаций, охватывающих общественную систему, проявляется особенно ярко историческая переменчивость представлений о полах, однако для создания новых конструктов, как ни парадоксально, используется антропологическая константа: «Мужчина и женщина – изначальный дуализм во вселенной». Потенциальные

возможности женщин в обществе зависят от того, что люди данного общества действительно думают об их качествах и способностях, социальных ролях и предназначении и во что верят на уровне индивидуального и коллективного сознания, а также от того, о чем их заставляют думать и во что верить идеологические структуры (идеологии, предписания, традиции), встроенные в сознание. В советское время женщина рассматривалась как такой же трудовой ресурс как и мужчина, трудовая деятельность являлась для женщины базой для независимости от мужа и получения определенного общественного статуса в структуре общества. Неработающие женщины рассматривались как тунеядки и общественно неразвитые элементы. Нормой в советское время было продвижение женщин до должностей сменного мастера, начальника участка или корпуса, в то время как высшие посты предназначались только мужчинам. Таким образом, в обществе того времени существовала дифференциация половых ролей, которая принималась как норма и мужчинами, и женщинами.

В то же время практика, благодаря обратной связи, решающим образом влияет на сознание. Через практику, с помощью практического мышления как составной части сознания, люди обретают убеждения и проверяют их. Они не просто реагируют на ситуацию, они интерпретируют, отбирают те или иные факты и действуют на основе своих представлений, ощущений, выработанных методов. По убеждению Р. Мертона, «мы реагируем не только на объективные черты ситуации, но и на тот смысл, который она для нас имеет» [2, с. 280]. Не случайно, в настоящее время большинство неработающих женщин, то есть тех, кто по своей воле или по велению родных и близких ограничил свою деятельность семьей и домом, продолжают стремиться в сферу труда. В то же время понятие «наемный труд» в гендерном сознании менялось вместе с развитием общественной системы. Для мужчин всех социальных слоев он был почетным, тогда как для женщин – либо вынужденным (для женщин низших слоев), либо задевающим честь (для женщин из буржуазной семьи). В связи с этим, наблюдаемые на рынке труда специализация, дифференцированность и мобильность, зачастую, совсем не касались женщин, а если касались, то частично и с другими последствиями. В процессе разделения труда мужчины выбирали новые, технизированные и «лучше оплачиваемые сферы труда», в то время как женщины занимали «освобождаемые мужчинами низкооплачиваемые рабочие места» [6, с. 145]. Этот порядок воспринимался и сейчас воспринимается большинством мужчин и женщин, как справедливый. Интересно, что в настоящее время процветают те же практики, те же стереотипы, что и раньше: женщины считают, что в отношении их нет никакой дискриминации, и озабочены они теми же проблемами, что и мужчины. Опросы последних лет показали, что практически нет разницы в общественном мнении мужчин и женщин по основным жизненным вопросам. Итак, совокупность общественных гендерных практик дает основание обществу и мышлению, формирует специфику гендерных отношений. Смыслы и нормы существуют «не только в умах тех, кто действует, они существуют снаружи, в самих практиках, которые следует понимать не как наборы индивидуальных действий, но, по сути, как виды социальных отношений [2, с. 162].

Провозглашенные современными российскими реформаторами ценности *свобода, равенство, самостоятельность* и т.д. в повседневных практиках не получили воплощение, а значит, почти не затронули массовое сознание. Наоборот, неравновесное состояние общественной системы привело к внедрению в практику ценностей *рациональность, выгода, расчет*, что привело к укреплению неравенства полов в их социальных возможностях.

Вместе с тем, внедрение в общественное сознание перечисленных выше ценностей имеет и позитивную сторону. Исторически сложилось так, что развитие демократических убеждений и демократической культуры тесно связано с таким явлением, как рыночная экономика. Выше мы уже отмечали, что обеспечение равных прав и равных возможностей

для мужчин и женщин во многом связано с развитием демократических отношений. Тесная связь между демократией и рыночным капитализмом выявляет некий парадокс: рыночная капиталистическая экономика неизбежно порождает экономическое неравенство, приводящее к неравенству политическому. С другой стороны, она обеспечивает расширение степеней личной свободы и маневренности, создает более широкие возможности для самореализации и саморазвития. К примеру, программы воспитания и нормы женственности обосновываются чаще всего с точки зрения религии, морали, психологии и биологии; вместе с тем, однако, они начинают ориентироваться на экономические требования, выдвигаемые данной эпохой.

Рано или поздно практически каждой стране приходится переживать достаточно серьезные кризисы – политические, экономические, духовные, ценностные. В одних странах социальные институты способны пережить трансформации, а в других – нет. В одних странах кризисы способствуют установлению демократических ценностей, таких, как равенство, свобода, в других, наоборот, демократия свертывается авторитарными лидерами, которые прибегают в своей деятельности к диктаторским методам. В то же время, гендерные отношения и их развитие определяются устойчивостью демократических принципов в общественном сознании, в государственной идеологии и политике. Шансы на установление стабильной демократии увеличиваются в тех странах, где политические лидеры и рядовые граждане оказывают мощную поддержку демократическим идеям, ценностям и процедурам. «Женственность» и «мужественность» изменяются в зависимости от различных общественно-исторических контекстов, а также от приверженности и укорененности демократических воззрений в культуре данной страны, от преемственности их из поколения в поколение. Если подавляющее большинство граждан не предпочитает демократию и ее политические институты любой недемократической альтернативе и не поддерживает политических лидеров, отстаивающих демократическую практику, то демократии трудно выжить в происходящих трансформациях общественной системы. Но, к сожалению, история чаще наделяет страны политической культурой, которая в лучшем случае лишь в ничтожной степени поддерживает демократические идеи, ценности и институты, а в худшем – сильно благоприятствует авторитарному правлению. В подобной ситуации для трансформирования гендерного сознания в направлении конструирования системы представления о равенстве прав и возможностей следует использовать потенциал: во-первых, демократически и либерально настроенных политических лидеров, а во-вторых, женских общественных движений. В случае углубления кризисных процессов, протекающих в общественной системе, переконструирование социальных структур, ценностей и общественного сознания может осуществляться в негативном варианте. Так, в конце XVIII века произошло резкое взаимное противодействие идей революционной идеологии свободы человека и буржуазной идеологии несвободы женщины. Общественные ограничения индивидов женского пола возникли на базе возросшей неуверенности мужчин в будущем перед лицом угрозы нарушения сословного порядка в эпоху французской и индустриальной революций. В социально-психологическом плане это противоречие можно рассматривать как компенсационное построение: принципиальная неуверенность смягчается догматичным требованием сохранения строгой иерархии полов. «Будучи провозглашенной надежной хранительницей добродетели самоотречения, от которой мужчина, ввиду конкурентной борьбы, вызванной условиями капитализма, должен был отказаться, женщина берет на себя психологически важную компенсационную роль» [7, с. 122]. В большинстве трансформационных периодов развития общественных систем неустойчивое в экономическом отношении положение мужчины, стремящегося возвыситься за счет духовной деятельности, оказывало дополнительное влияние на лишение женщины ее интеллектуальной и социальной самостоятельности. Таким образом, пол становится одним из ведущих понятий для

прогрессивного трансформирования, освещения и понимания социальной действительности.

Процессы изменения общества и идеологии, находящиеся в тесной причинной связи, способствуют переконструированию полов, изменению «природы» женщин, смешению черт характера полов. В гендерном сознании создаются социокультурные конструкты бытия, в которые включены понятия «женственность» и «мужественность», меняющиеся и изменяемые в зависимости от контекста культуры и истории, а также от направленности происходящих в обществе и сознании трансформационных процессов.

Библиографический список

1. Антология исследований культуры: Т. 1. Интерпретация культуры. СПб., 1997.
2. Будде Г.-Ф. Пол истории // Пол, гендер, культура / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М., 1999.
3. Латин Н.И., Беляева Л.А. и др. Динамика ценностей населения реформируемой России. М., 1996.
4. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб., 2000.
5. Социология: Учеб. пособие / Под ред. А.Н. Елсукова. Минск, 1998.
6. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.
7. Шабер И. Гендер как категория истории литературы // Пол, гендер, культура.
8. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.